

Роль Владимира Мономаха в развитии литературы и государственности Руси

Филипповский Г.Ю.

Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского (ФГБОУ ВО ЯГПУ), г. Ярославль, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>, e-mail: fil.gerr@yandex.ru

Статья посвящена вкладу Владимира Мономаха в развитие литературы и государственности Руси. Крупные авторские произведения: «Поучение» Владимира Мономаха; «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича» близкого к Мономаху игумена Василия; литературно-историческая эпопея ранней Руси — II (Мономахова) редакция «Повести временных лет» (1116/1117 гг.) Михайловского игумена Сильвестра, — важные части фундамента будущей русской литературы. Видное место Владимира Мономаха в литературном и государственном развитии Руси подчеркивает современный историк А.Ю. Карпов, особо выделяя разрушение Мономахом старокиевской конструкции «лествичного восхождения» князей Руси к киевскому великому столу, его действия по обустройству вотчинного ему центрального региона Руси с новым политическим основанным им центром — Владимиром-на-Клязьме (1108), в перспективе, — предтечей Москвы.

Ключевые слова: Владимир Мономах, «Поучение», «Повесть временных лет», II Мономахова редакция, игумен Сильвестр, игумен Василий, развитие литературы и государственности Руси, А.Ю. Карпов, разрушение Мономахом старокиевской конструкции «лествичного восхождения».

Для цитаты: Филипповский Г.Ю. Роль Владимира Мономаха в развитии литературы и государственности Руси [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 1. С. 74–85. DOI:10.17759/langt.2024110107

Vladimir Monomakh's Role in the Development of Literature and System of State at Rus

German Yu. Filippovsky

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>, e-mail: fil.gerr@yandex.ru

The article is devoted to the contribution of Vladimir Monomakh to the development of literature and state system of Rus. Large works of authorship: “Teachings” by Vladimir Monomakh; “Tale of the Blinding of Prince Vasilko Rostislavich” by the hegumen Vasily, close to Monomakh; the literary and historical epic of early Rus -

the II (Monomakh's) edition of “Tale of Bygone Years” (1116/1117) by the Mikhailovsky hegumen Sylvester — are important parts of the foundation of future Russian literature. The prominent place of Vladimir Monomakh in the literary and state development of Rus is emphasized by the modern historian A.Yu. Karpov, especially singling out Monomakh's destruction of the Old Kiev construction of the “rota ascent” of the princes of Russia to the Kiev great throne, his actions on the arrangement of the central region of Russia, which was inherited by him, with a new political center founded by him — Vladimir-on-Klyazma (1108), in the long run — the forerunner of Moscow.

Keywords: Vladimir Monomakh, “Teachings”, “Tale of Bygone Years”, II Monomakh's edition, hegumen Sylvester, hegumen Vasily, development of literature and state system of Rus, A.Yu. Karpov, Monomakh's destruction of the Old Kiev construction of the “rota ascent”.

For citation: Filippovsky G.Yu. Vladimir Monomakh's Role in the Development of Literature and System of State at Rus. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 1, pp. 74–85. DOI:10.17759/langt.2024110107 (In Russ.).

Литература с ее образным мышлением и государственность с ее логикой законов и установлений, казалось бы, весьма далеки друг от друга. Но это не так. Причем, не только в актуальной современности или в новейшие, новые времена. Но и в Средневековье. Например, «Слово о Законе и Благодати» первого митрополита киевского-русина Илариона — литературный манифест принявшей христианство Руси. Оно прославляет князя Владимира, приведшего Русь к христианству, и его сына Ярослава с женой Ириной. Образ Киева, новой столицы Руси, уже христианской, занимает важное место в этом литературном манифесте-прославлении [1]. Что же это такое, как не прославление новой христианской державы с центром в Киеве на Руси? Литература (и даже больше — теология, библеистика, образы Ветхого и Нового Завета) призваны на службу в этом литературном тексте, очевидно, подчинены политическим, государственным целям, задачам эпохи Ярослава Мудрого. Сам он в «Повести временных лет» представлен как покровитель просвещения (прежде всего, христианского просвещения), книг и книгописания, как выдающийся государственный, но и литературно-просветительский деятель [1].

Внук Ярослава Мудрого князь Владимир Всеволодович Мономах в первой же фразе своего «Поучения» с особым пиететом пишет о своем великом деде: «Азь, худыи, дедомъ своимъ Ярославомъ, благословенымъ, славнымъ, нареченемъ въ крещении Василии, русьскимъ именемъ Володимирь, отцемъ възлюбленымъ и матерью своею Мьномахы...» [1]. Ярослав Мудрый, вслед за его отцом, был первым лицом государства Руси, принявшей христианство от Византии. В Византии христианский культ базилевса-императора был изначально поддержан всем литургическим и литературным массивом Ветхого и Нового Завета (Библии), всей святоотеческой литературой, древнехристианским преданием. Об этом много и хорошо писали выдающиеся ученые — филолог, литературовед и богослов Сергей Сергеевич Аверинцев, а также филолог-византист Александр Петрович Каждан. Западная католическая церковь, Ватикан в Средние века не без известной зависти смотрели на государственно-христианский культ византийского базилевса, соединявшего в себе критерии и государственности, и всей раннехристианской культуры и литературы с их истоков (не

случайно Папы поддержали в числе других крестовых походов и V-й 1204 года, когда Константинополь был захвачен крестоносцами и Византийская империя пала). В конце концов Ватикан уже давно пришел к формату не просто центра мирового христианства-католичества, но — государства Ватикан, то есть, Церкви-государства.

Первое слово, которое открывает текст «Поучения Мономаха» — «Азь» — Я, трактуется обычно автобиографически [1]. Хотя «Поучение» и автобиографично, но все же это не автобиография в современном понимании. «Азь» — первая буква алфавита и вообще знак-основа начал. А если они еще и христианские, как следует из той же первой фразы текста Мономаха, то автор явно рассуждает «с порога» о базовых началах жизни и жизнедеятельности, самосознания и своего, и вообще княжеского в современной ему Руси. Об этом уже приходилось писать в статье «Азь» в литературе Руси XI-XIII вв.: знаковая функция» в коллективной монографии 2011 года «Кириллица от возникновения до наших дней» [4]. Чтобы снять возможное восприятие начального «Азь» как некой гордыни, автор добавляет христианское уничижительное «худый» (то есть, недостойный). И тут же переводит внимание читателя на тему великого деда Ярослава Владимировича Мудрого, крестителя Руси (вместе с отцом Владимиром Святославичем), крупнейшего государственного деятеля Руси конца X — первой половины XI веков. В конце первой фразы текста «Поучения» автор не просто упоминает императорское имя своей матери «Мономахы» [1]. Можно считать это элементом автобиографическим. Но, скорее, автор «Поучения» в конце чрезвычайно емкой и концептуальной первой фразы текста указывает на важный христианско-государственный ориентир своих рассуждений как образец, идеал христианско-государственной модели и феномена византийской императорской власти, государственной и христианско-государственной культуры (личность базилевса, а также его супруги были священны и сакральны для всех православных христиан). Разумеется, тема матери, как таковой, также здесь очень важна (как важна, например, тема старой княгини — матери Мономаха, — в тексте о Мономахе, третьей кульминации «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича»).

Упомянут в первой фразе «Поучения» и отец Владимира великий князь киевский Всеволод Ярославич (сам Мономах на момент написания «Поучения», 1117 год, был великим киевским князем). Однако, что характерно, в знаковой первой фразе «Поучения» титул великого киевского князя или сам Киев как столичный город Руси, — не упомянуты. Но об этом позже. В первой фразе «Поучения» знаково буквально все. В том числе, упоминание имени Василий, данного князю в святом крещении. Здесь оно упоминается прежде, раньше его княжеского, мирского имени Владимир [1]. И на то у автора серьезная причина, отнюдь не автобиографического или узко-индивидуального, а именно государственно-княжеского характера. Князь-христианин — носитель нового сознания, по мысли Мономаха, совершенно необходимого для междукняжеских отношений, для решения неизбежных проблем распрей в княжеской среде. Христианские мир, любовь и согласие руководили Момахом — организатором княжеских съездов начала XII века, после знаменитого Любечского съезда 1097 года: 1100 — съезд в Уветичах (Витичеве); 1101 — съезд на Золотче; 1103 — съезд на Долобском озере. Фраза летописца в некрологе Мономаха в Лаврентьевской летописи под 1125 год «...и добрый страдалец за Русскую Землю», конечно, говорит о князе, прежде всего, как радетеле о государственности Руси.

Из филологов лучше всего о Владимире Мономахе сказал выдающийся ученый-медиевист

академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (много работавший по теме Владимира Мономаха и печатавший о нем и о его «Поучении») в словарной статье первого тома «Словаря книжников и книжности Древней Руси»: *«Он был крупнейшим политическим и военным деятелем Руси на рубеже XI и XII веков и вместе с тем выдающимся писателем, чьи произведения строго следовали его политической программе и направлению его покровительства литературной, летописной, законодательной работе своего времени и пропаганде политических идей»* [7]. Итак, исповедально-автобиографический по жанру текст «Поучения Мономаха» открывается образами, апеллирующими к христианско-государственной сфере. Ключевые для данной статье моменты сопряжения мотивов литературы и государственности как бы подтверждаются. Разумеется, кроме филологов А.С. Орлова, Д.С. Лихачева (и других) Владимиром Мономахом и его «Поучением» занимались (и не могли не заниматься) многие историки.

Из современных историков, прежде всего, необходимо привести высказывания Алексея Юрьевича Карпова, автора нескольких книг о Владимире Мономахе (например, его последнюю книгу 2015 года в серии ЖЗЛ): *«Князь Владимир Мономах, несомненно, принадлежит к числу наиболее значительных фигур русского Средневековья... С именем Владимира Мономаха связана и выдающаяся победа над половцами, прекращение губительных половецких нашествий, обескровивших Русь к концу XI века. Ему удалось — причем с колоссальным трудом, преодолевая сопротивление не только половцев, но и других русских князей, — перенести военные действия вглубь Половецкого поля и тем самым создать благоприятные условия для поступательного развития русских княжеств в XII — первой трети XIII века... Но Владимир Мономах вошел в русскую историю не только как государственный деятель и полководец. Он еще и автор знаменитого «Поучения» — выдающегося памятника древнерусской литературы и общественной мысли... По преимуществу его изучают отдельно как политика, полководца, писателя, общественного деятеля. Между тем, все эти ипостаси неразрывно соединяются в нем»* [3, с. 6-8]. Можно добавить, что главные победы Мономаха над половецкой степью состоялись в 1107 году, победная битва у Лубна, и в 1111 году — решительная и окончательная победа над половецкой степью (совместных дружин Мономаха, Святополка Изяславича и других князей) на реке Сальнице.

Другой историк Юрий Владимирович Кривошеев написал очерк жизни и деятельности Владимира Мономаха, не стремясь, как он говорит, «к героизации» этого и без того выдающегося и значительного в русской истории князя [6, с. 333-408]. Мономах — прирожденный и незаурядный политик, о нем писали практически все историки Руси, потому что не могли не писать (такова значительность личности и ее деяний). К тому же, оценку Мономаха дал сам народ и время в средневековой легенде о Владимире Мономахе. Она приведена во многих текстах от начала XIII века до Московского времени, но особенно в «Слове о погибели Русской земли» (1223-1237): *«...деду его Володимеру и Манамаху, которымъ то половеци дети своя полошаху в колыбели. А литва из болота на светъ не выныкываху, а угры твердыху каменные города железными вороты, абы на них великий Володимеръ тамо на въехалъ, а немцы радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ. Буртаси, черемиси, вьда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера. И жюрь Мануильъ цесарегородский опасъ имея, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великий князь Володимеръ Цесарягорода не взял»* [12, с. 130]. В «Слове о полку Игореве» целый ряд ученых, включая Б.А. Рыбакова, В.Ф. Ржигу, Г.Ю. Филипповского и других, в

образе «старого Владимира» поэмы видят князя Владимира Всеволодовича Мономаха.

Свод древнерусских текстовых материалов по средневековой легенде о Владимире Мономахе представили в своих трудах, книгах А.Ю. Карпов (2006, 2015) [3], а еще ранее Г.Ю. Филипповский в книге 1999 г. «Владимир Мономах: завещано потомкам» [16]. Разумеется, и ранее многие историки древнерусской литературы в различных изданиях XIX–XX вв. писали об этом, отмечая отдельные случаи появления средневековой легенды о Владимире Мономахе (в том числе, в учебниках древнерусской литературы Н.К. Гудзия, В.В. Кускова, хрестоматии Н.И. Прокофьева). Ю.В. Кривошеев, в отличие от А.Ю. Карпова, противоречив:

1. Мономах охарактеризован как политик, государственный и военный деятель Киевской Руси;
2. В то же время раздел книги Ю.В. Кривошеева именуется «Два князя», то есть, раздел «Андрей Боголюбский» непосредственно следует, как бы связан, продолжает раздел Владимира Мономаха [6].

В отличие от него книга А.Ю. Карпова грамотно и справедливо отслеживает динамику деятельности Владимира Мономаха, как бы «экстраполируя» ее на следующий за Киевским, Владимирский период истории Руси XII века. Можно считать, главной заслугой историка А.Ю. Карпова акцент на динамическом аспекте жизнедеятельности Владимира Мономаха — полководца, государственного деятеля и политика, писателя. Много страниц своей книги А.Ю. Карпов посвятил роли Владимира Мономаха как разрушителя старой традиционной политической конструкции Киевской Руси [3]. О причинах всего этого на материале «Поучения» пойдет речь дальше.

И филологов, и историков объединяют высказывания о Владимире Мономахе Владимира Владимировича Милькова, выдающегося ученого-философа, издателя и комментатора древних текстов, в его труде, посвященном Владимиру Мономаху и его уникальному тексту «Поучения», чудом сохранившемуся до нас в подлинной древнерусской пергаменной рукописи Лаврентьевской летописи 1377 года. В.В. Мильков пишет: *«На политическом поприще и в ратном труде князь снискал у своих современников славу защитника общерусских интересов... Тексты Мономаха, несмотря на их мозаичность, чаще всего, рассматриваются как единое произведение... «Поучение» — ключевой памятник в творчестве Мономаха, характеризует автора как мыслителя, глубокого аналитика, тонкого политика и большого мастера слова»* [8, с. 342-360].

После необходимого вступления можно приступить к основным темам, проблемам, вынесенным в заглавии настоящей статьи. И первая: «Роль Владимира Мономаха в развитии русской литературы». Сразу следует сказать, что существуют как минимум две монографии, посвященные Владимиру Мономаху, как писателю, и его главному литературному произведению «Поучению», написанные филологами с позиций литературоведческого исследования. Книга академика А.С. Орлова «Владимир Мономах» 1946 года [10] имеет более филологически-описательный, литературоведческий-документирующий, фактографический характер. Монография Г.Ю. Филипповского [17] посвящена вопросам литературной, главным образом жанровой и композиционной поэтики «Поучения». Труд В.В. Милькова погружен в духовно-философскую проблематику «Поучения», его концептуально-текстологическим аспектам под углом средневеково-философских, богословских учений [8]. Много важных наблюдений над текстом Мономаха найдем и у

историка А.Ю. Карпова [3], и у филолога В.Л. Комаровича [5], и у старых авторов конца XIX — начала XX веков.

Главным вкладом Владимира Мономаха в развитие русской литературы надо считать его участие в реконструкции «Повести временных лет», главной эпопеи начальной русской литературы. Став великим киевским князем в 1113 году, Мономах первое, что сделал, это перенес русское летописание из Киево-Печерского монастыря в родовой монастырь Мономашичей Михайло-Выдубицкий в Киеве. Сразу надо сказать, что редакция ПВЛ, сохранившаяся в Лаврентьевском списке летописи 1377 г., была создана именно в Михайло-Выдубицком монастыре игуменом Сильвестром (его имя сохранил тот же Лаврентьевский список). Академик Алексей Александрович Шахматов в своей капитальной работе 1908 года «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (выдержала испытания временем и затем многократно переиздана) установил динамику перехода текста ПВЛ от I-й Киево-Печерской редакции ко II-й, Михайло-Выдубицкой. Он же установил причастность Владимира Мономаха к созданию II-ой редакции ПВЛ (между 1113 и 1116/1117 годами). По сути, I-я редакция ПВЛ может быть представлена сейчас только реконструктивно. Основным же, базовым текстом ПВЛ сегодня надо считать текст ее II-й редакции, созданной в 1116/1117 году под патронажем и с участием лично Владимира Мономаха. Наиболее яркое его участие проявилось в двух крупных текстах: «Поучения» (в ПВЛ под 1096 г.) и «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича Теробовльского» игумена Василия (в ПВЛ под 1097 годом) [11]. Последняя, очевидно, по своему тексту непосредственно и тесно связана с Владимиром Мономахом. Кроме того, во II-й редакции ПВЛ появляются новые материалы, созданные не без влияния Владимира Мономаха. Например, эпизод с уходом Мономаха из Чернигова в 1094 году, когда он добровольно уступает Олегу Святославичу Черниговское княжение (сам при этом уходит в свою старую вотчину Переяславль Русский). Эпизод представляет поступок Мономаха не как поражение, а как духовную победу (ради спасения христиан Чернигова от избиения половцами).

Почему Владимир Мономах, утвердившись в Киеве после смерти Святополка Изяславича, сразу принялся за отмеченный выше летописно-литературный, крупный духовный проект? Прав А.А. Шахматов, связывая I-ю редакцию ПВЛ с великим Киевским князем Святополком Изяславичем (как патроном этого Киево-Печерского летописного свода). Причину действий Мономаха хорошо раскрывает «Повесть об ослеплении Василька Ростиславича», где великий Киевский князь Святополк Изяславич представлен едва ли не преступником, нарушившим крестное целование Любечского съезда и реализовавшим ослепление без вины князя Василька Ростиславича, участника съезда князей в Любече. Кроме того, «Повесть» свидетельствует, что этот же великий князь в Киеве воздвиг клевету на Владимира Мономаха, обвиняя его в якобы преступном сговоре с Василько Ростиславичем против великого Киевского князя. Заговор, враждебность южнорусских князей (включая великого Киевского князя), по сути, составляет сюжетную основу и «Повести», и «Поучения Мономаха». Этот текстовый комплекс не только политически ориентирован против южнорусских княжеских происков и интриг, но и обладает несомненными и высокими литературными достоинствами. Достаточно сказать, что «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича» впервые разрабатывает литературный сюжет «преступления и наказания», который, как известно, лег затем в основу великого романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (разумеется, в новое время и в новом литературном исполнении). Несомненно, что литературно-текстовый комплекс ПВЛ 1116/1117 гг.,

созданный под патронажем и с личным участием Владимира Мономаха, стал непосредственным катализатором всего последующего развития русской литературы, а в плане государственно-политическом обозначил грандиозную программу последующей трансформации всей государственно-политической структуры Руси. Именно о ней, что и было отмечено выше, писал современный историк А.Ю. Карпов: *«Именно на этих принципах Владимир (Мономах) пытался выстроить новое политическое здание Русского государства... Нравственная система, выработанная им и нашедшая отражение в его собственных сочинениях, основанная прежде всего на неукоснительном соблюдении общеизвестных христианских заповедей, на смирении и всепрощении, братолюбии и в страхе Божиим, и стало основой его политической (в полном смысле этого слова) системы»* [3, с. 8].

Вошедшее в «Поучение Мономаха» в качестве его третьей части «Письмо (послание) Владимира Мономаха к князю Олегу Святославичу Черниговскому» представляет собой образец христианского увещевания этого агрессивного южнорусского князя. Сюжет, если можно сказать, литературный, этого письма содержится как бы в подтексте: Олег в боевой расправе под стенами Мурома убил сына Мономаха, молодого князя Изяслава. Тема мести отца за гибель сына (как можно было бы предположить) парадоксально нигде не звучит, — напротив Мономах создает текст образцового христианского поведения, увещевания убийцы с акцентом на христианскую кротость, всепрощение, мир, любовь и согласие (между князьями-братьями). Третья часть «Поучения» — письмо к Олегу — не только финальная часть сложносоставного, мозаичного текста, но и его, своего рода, восклицательный знак. Как уже говорилось, вошедшая во II-ю редакцию ПВЛ «Повесть об ослеплении Василька Ростиславича» игумена Василия подробно описывает драматические события 1097-1099 гг. именно с позиции Владимира Мономаха. Здесь южнорусские князья Святополк Изяславич и его приспешники, клеветники и крестопреступники, полностью разоблачены, причем выполнено это в формате литературно-совершенного по форме, приемам и композиции авторского текста (игумен Василий не только называет здесь свое имя, но и активно и образно комментирует литературно-текстовые события этого замечательного произведения). Владимир Мономах представлен автором в образе почти идеального князя, едва ли не главного героя «Повести», наделенного всеми христианскими достоинствами.

Вступление, первые фразы «Поучения», которые уже обсуждались выше, утверждают личностный аспект христианской духовной культуры Руси, где образ Иисуса Христа выступает как Бог, высший критерий духовного совершенства. Именно этот личностный критерий определен уже началом «Поучения» со знаковой лексемой «азь». Однако, тут же выстраивается диалогическая связь «азь» с дедом, великим Ярославом Мудрым, с матерью византийского императорского рода Мономахов. И дальше в тексте «Поучения» диалогическое начало только нарастает, усиливается, причем в разных отношениях. Автор обращается «да дети мои», понимая шире — княжеский круг общения и обращения. Говоря о неприемлемости лености духовной, Мономах как бы призывает своих читателей, аудиторию своего обращения, к неустанному, прежде всего, духовному труду, который обеспечивает не только понимание (взаимопонимание), но — мир, любовь и согласие как ведущие принципы христианского поведения (особенно важные в княжеской среде с ее обычными усобицами, распрями, ссорами и интригами). Для развития диалога с читателем Мономах прибегает, как в самом начале текста, так и затем, к приемам не только самоуничтожения христианского, но и автоиронии. *«Аще ли кому не любя грамотица си, а не поохрिताются, но тако се рекуть:*

на далечи пути, да на санех седея, безлепицю си молвилъ» [1, с. 456].

Диалогическое начало, которое Мономах акцентирует в начале вступления своего «Поучения», автор распространяет и на его жанровую, и структурно-композиционную полиморфность. В жанровом плане, как отмечает не только Д.С. Лихачев, но и все другие исследователи, это и автобиографичность, и исповедальность, и дидактичность, учительность (с опорой на библейско-святоотеческое наследие). В структурно-композиционном плане части «Поучения» как бы дополняют друг друга, образуют одну сложную взаимосвязанную мозаику выстроенного автором единого и литературного (в том числе, автобиографического), и политико-публицистического текста послания (обсуждающего насущные проблемы междукняжеских отношений на Руси с позиций христианской морали) [15, с. 43-45].

К традиционным в теории литературы приемам сюжетно-композиционного и жанрового анализа, как ни парадоксально, применительно к «Поучению Мономаха» обретают силу приемы теоретико-литературной концепции «события и событийности» школы Вольфа Шмида и Валерия Игоревича Тюпы [14]. Действительно, во вступлении «Поучения» появляется эпизод-событие встречи Мономаха с послами братьев-южнорусских князей «на Волге»: *«Усретоша бо мя слы от брата моя на Волге, реша: «Потъснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем. Иже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе». И рехъ: «Аще вы ся и гневаете, не могу вы я или, ни креста переступити»* [1, с. 456]. На фоне автобиографических, исповедальных фраз о выдающихся предках, обращений к читателям (прежде всего, князьям) Мономах как будто неожиданно обращается, приводит конкретную сюжетную деталь, эпизод его княжеской биографии. Но, очевидно, такая конкретика не случайна, но важна и знакова. Причем, не только, и не столько сам факт встречи на Севере Руси, в его старинной ростовской вотчине на Волге, но и то решение, которое принимает там Мономах. Оно имеет, своим христианским характером, как затем выясняется, принципиальное значение и для него самого, и для понимания всего текста «Поучения». Именно христианский смысл этого решения обретает особую знаковость, поскольку Мономах отвергает предложенную южнорусскими князьями преступную сделку (мир после захвата и раздела земель ослепленного южнорусскими князьями без вины удалого князя Василька Ростиславича). Причем, критерием отказа Мономах называет свою верность крестной клятве, которую он, вместе с другими князьями, дал на Любечском съезде 1097 года.

«На Волге» (скорее всего, зимой 1097/1098 гг., после трагических событий ослепления князя Василька и злостной клеветы южнорусских князей на Мономаха) Владимир Мономах делает совой принципиальный выбор: в пользу верности христианским принципам как основным в решении сложных и драматичных междукняжеских проблем, в противовес старым родовым понятиям и узам еще дохристианских традиций и представлений старокняжеской Руси. Выбор был трудный: ломались старого образца междукняжеские отношения и связи, кто был братом, — стал врагом и противником. Отсюда и «гадание» Мономаха на Псалтири в минуту душевного разлада и кризиса. Отсюда — в «Поучении» — и выписки из этого «гадания» как своего рода указание читателю «Поучения», когда, где, как и почему автор — воин и политик — начал совсем несвойственную его княжескому положению книжную работу по написанию христианской исповеди-послания к «детям», младшим его князьям Руси.

Жанровые черты послания к князьям («или инь кто прочтет»), вступления к первой части «Поучения», всецело опираются не только на автобиографичность-исповедальность (Мономах признает не только индивидуально-храмовую, но и коллективную, также принятую в христианстве, исповедальность), но и трагическую мораль итогов и последствий Любечского съезда князей (хорошо отраженную в «Повести» игумена Василия). Она, как и «Поучение Мономаха», составляют в редакции ПВЛ 1116/1117 гг. единый литературно-политический комплекс, своего рода диптих. Однако, жанровые черты «Поучения» как послания затем, по ходу работы Мономаха над единым текстом произведения (для включения его в летопись ПВЛ Мономаховой редакции) подхвачены и другим посланием (третья часть «Поучения»), — его же авторским «Письмом» к южнорусскому князю Олегу Святославичу, двоюродному брату Мономаха. Третья часть «Поучения Мономаха», письмо к Олегу Святославичу, в плане общей теории нарратологии В. Шмида — В.И. Тюпы [14] опирается на события убийства Олегом Святославичем (в военных действиях под Муромом) сына Мономаха Изяслава. Если же говорить о второй части «Поучения» (перечне походов Мономаха), то разумеется, каждый из этих походов, обозначенный автором, предстал в его глазах однозначно значимым, а то и знаковым событием (не только в его жизни, но и в жизни княжеской Руси в целом). Вторая часть «Поучения», таким образом, представляла собой с точки зрения концепции Русской Земли ни что иное, как переход от раннего (X-XI вв.) представления, как киевского, в основе, с окружающими Киев землями, — к другому, новому (XII-XIII вв.) представлению о Русской Земле, как «Всей Русской Земле», не сводимой только к Киевскому региону. Об этой динамике представления о Русской Земле писали практически все крупные русские историки (М.Д. Приселков [13], А.Н. Насонов [9], Б.А. Рыбаков, Н.Н. Воронин, В.А. Кучкин и другие). Это все о роли Владимира Мономаха в развитии государственности Руси.

Что же касается его роли в развитии литературы Руси, то об этом говорят несомненно литературные достоинства как его «Поучения», так и тесно с ним связанная «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича». Если считать, что литература — это искусство авторского, письменного, образного (художественного) Слова, то необходимо признать: только проект Владимира Мономаха 1116-1117 гг. сообщил, придал ПВЛ (2-й редакции, Мономаховой) качество, уровень подлинно литературного текста. Таковой ПВЛ стала с включением двух крупных авторских, естественно, письменных, наделенных образно-художественными, литературно-организованными текстами («Поучения Мономаха» и «Повести» игумена Василия о трагических событиях после Любечского съезда). В этих высокоорганизованных в литературном смысле текстах авторы заявляют о себе открыто, сами говорят о своем авторско-письменном творческом литературном труде, открыто и подчеркнуто демонстрируют (и комментируют сами) многочисленные, многообразные приемы использованной ими образной речи, приемы литературного творчества, которыми они пользуются. Очевидна литературно-творческая композиционная организация частей текста «Повести» игумена Василия о Васильке Ростиславиче и Владимире Мономахе, о трагической коллизии в жизни и истории Руси. Очевидна автобиографическая, исповедальная, литературно-личностная установка автора «Поучения», приемы его жанрового, композиционного, образно-литературного новаторства (широко известно в науке предложенное Д.С. Лихачевым понимание фразы «Поучения»: «на санехъ сидя», как образное указание автора на его преклонный возраст на пороге смерти, дающий ему моральное право на урок мудрости и политической зоркости для читателей произведения,

князей Руси [7, с. 98-102].

Теперь еще раз о роли Владимира Мономаха в развитии государственности Руси. По сути, об этом уже говорилось выше со ссылкой на тексты историка А.Ю. Карпова. Не случайно Владимир Мономах в 1084 г. сдал Чернигов (где он княжил) Олегу Святославичу (пришедшему с отрядами половцев), а сам ушел в свой старый вотчинный Переяславль Русский. Не случайно он зимой 1097/1098 гг. ушел с Юга Руси на Ростово-Суздальский Север (тогда же и произошла отмеченная в «Поучении» драматическая встреча Мономаха «На Волге» с послами южнорусских князей). Что же делал Мономах тогда на Верхней Волге? Он пошел туда после того, как в 1096 г. Олег Святославич убил его сына Изяслава под Муромом, а затем захватил и сжег Суздаль, подчинил себе исконно-вотчинные Ростово-Суздальские земли Залесья, принадлежавшие Мономаху. Тогда посланные Мономахом сыновья, прежде всего Мстислав, нанесли военное поражение Олегу Святославичу и вытеснили его с незаконно захваченных земель Северо-Восточной Руси. Отмеченное Мономахом пребывание «на Волге» было связано с походом в Суздаль и Ростов (вместе с переяславским митрополитом-строителем Ефремом) по новому строительству сожженного Олегом Суздаля и по строительству соборов Успения Богородицы в Ростове и Суздале (здесь еще строительство Ефремом нового Дмитриевского монастыря).

Все это деятельность, действия Владимира Мономаха по новому государственному устройству, точнее, переустройству Руси, и об этом хорошо пишет А.Ю. Карпов [3]. Тогда же, в конце 1090-х, начале 1100-х гг. Мономах взял курс на строительство (в 1108 г. им заложен и построен новый город Владимир-на-Клязьме, как «новый Киев», будущая столица всей Руси) и новое обустройство своих старых вотчинных, со времен Ярослава Мудрого, владений в Северо-Восточной Руси. К этим шагам его подтолкнули враждебные по отношению к нему действия южнорусских князей (Олега Святославича в 1094, 1096 гг., киевского Святополка Изяславича и его союзников после Любечского съезда 1097 года). Вектор государственно-политической и государственно-строительной деятельности Владимира Мономаха тогда стал ориентирован на Север, в Залесские земли (правда, он и митрополит Ефрем не забывали о строительстве в его южном вотчинном, как бы отдельном от Киева Переяславле Русском). Прав А.Ю. Карпов, что затем, став великим Киевским князем, Владимир Мономах последовательно разрушал старую киевоцентричную государственную систему Руси, выстраивая новую, где динамическое развитие получали (независимые от Киева) городские, региональные центры Руси [3, с. 6-8]. Получив негативный урок от отношений с южнорусскими князьями в 1080-х — 1090-х гг., Владимир Мономах стал, тем не менее, великим Киевским князем (он не хотел идти в Киев на великое княжение, но приводящие обстоятельства принудили его сделать это).

Несомненно, что последующая конструкция Руси как удельной, самостоятельной от Киева, во многом обязана Владимиру Мономаху своим рождением, становлением, развитием в XII веке. Единая, но киевоцентричная Русь, Русская Земля была оставлена в прошлом, вместе с «лествичной» традицией восхождения князей-рюриковичей на Киевский великокняжеский стол. Действия Андрея Боголюбского, внука Мономаха, довершили начатые дедом действия по окончательному разрушению старокиевских государственных традиций [6, с. 333-612] (правда, сыновья Мономаха Мстислав и Юрий наследовали ему в Киеве, но уже по сыновнему праву). Менее чем через полвека после смерти Владимира Мономаха Киев не только окончательно потерял положение гегемона, но оказался в

положении подчинения у новой державы Андрея Боголюбского со столицей во Владимире-на-Клязьме, в центре русских земель (уже как предтеча Москвы).

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI-XII вв. 1997. СПб.: Наука, с. 26-62.
2. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI-XIV вв.). 1960. М.: Наука.
3. Карпов А.Ю. Великий князь Владимир Мономах. 2015. М.: Молодая гвардия. 386 с.
4. Кириллица от возникновения до наших дней. 2011. СПб.: Алетейя. 536 с.
5. Комарович В.Л. Поучение Владимира Мономаха // История русской литературы. Т. 1. 1941. М., Л.: Изд-во АН СССР, с. 289-297.
6. Кривошеев Ю.В. Два князя. Пути и труды Владимира Мономаха // Кривошеев Ю.В. Собранное. 2010. СПб.: Владимир Даль.
7. Лихачев Д.С. Владимир Всеволодович Мономах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — перв. пол. XIV вв. 1987. Л.: Наука, с. 98-102.
8. Мильков В.В. Владимир Мономах и его Поучение // Творения митрополита Никифора. 2006. М.: Наука, с. 340-452.
9. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. 1951. М.: Изд-во АН СССР.
10. Орлов А.С. Владимир Мономах. 1946. М., Л.: Изд-во АН СССР. 191 с.
11. Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. 1978. М.: Художественная литература. 463 с.
12. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. 1981. М.: Художественная литература. 607 с.
13. Приселков М.Д. История русского летописания. 1940. Л.: Изд-во АН СССР. Гл. 2-3.
14. Событие и событийность. Сборник статей / Под ред. Владимира Марковича и Вольфа Шмида. 2010. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada. 296 с.
15. Успенский Б.А. Владимир Мономах и апостол Павел // Вереница литер: к 60-летию В.М. Живова. 2006. М.: Языки славянской культуры, с. 43-45.
16. Филипповский Г.Ю. Владимир Мономах: завещано потомкам. 1999. Ярославль: Изд-во ЯГПУ. 285 с.
17. Филипповский Г.Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: проблемы литературной поэтики. 2019. Ярославль: Изд-во ЯГПУ. 119 с.

References

1. Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of ancient Russian literature]. Vol. 1. XI-XII vv. 1997. Saint Petersburg: Nauka, pp. 26-62 (In Russ.).
2. Budovnits I.U. Obshchestvenno-politicheskaya mysl' Drevnei Rusi (XI-XIV vv.) [Socio-political thought of ancient Rus (11th-14th centuries)]. 1960. Moscow: Nauka (In Russ.).
3. Karpov A.Yu. Velikii knyaz' Vladimir Monomakh [Grand prince Vladimir Monomakh]. 2015. Moscow: Molodaya gvardiya. 386 p. (In Russ.).
4. Kirillitsa ot vzniknoveniya do nashikh dnei [Cyrillic alphabet from its origins to the present]. 2011. Saint Petersburg: Aleteiya. 536 p. (In Russ.).
5. Komarovich V.L. Pouchenie Vladimira Monomakha [Vladimir Monomakh's "Teaching"]. *Istoriya russkoi literatury = History of Russian Literature*. Vol. 1. 1941. Moscow, Leningrad: Publ. AN SSSR, pp. 289-297 (In Russ.).

6. Krivosheev Yu.V. Dva knyazya. Puti i trudy Vladimira Monomakha [Two princes. Vladimir Monomakh's ways and works]. *Krivosheev Yu.V. Sobrannoe [Collection]*. 2010. Saint Petersburg: Vladimir Dal' (In Russ.).
7. Likhachev D.S. Vladimir Vsevolodovich Monomakh. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. XI — perv. pol. XIV vv. [*Dictionary of Scribes of Ancient Rus. 11th — 1st half of 14th century*], 1987. Leningrad: Nauka, pp. 98-102 (In Russ.).
8. Mil'kov V.V. Vladimir Monomakh i ego Pouchenie [Vladimir Monomakh and his “Teaching”]. *Tvoreniya mitropolita Nikifora [Metropolitan Nikephoros' works]*, 2006. Moscow: Nauka, pp. 340-452 (In Russ.).
9. Nasonov A.N. «Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva [“Russian land” and the formation of the territory of Old Russian state]. 1951. Moscow: Publ. AN SSSR (In Russ.).
10. Orlov A.S. Vladimir Monomakh. 1946. Moscow, Leningrad: Publ. AN SSSR. 191 p. (In Russ.).
11. Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XI — nachalo XII veka [Monuments of ancient Russian literature. 11th — early 12th century]. 1978. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 463 p. (In Russ.).
12. Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XIII vek [Monuments of ancient Russian literature. 13th century]. 1981. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 607 p. (In Russ.).
13. Priselkov M.D. Istoriya russkogo letopisaniya [Russian chronicle writing history]. 1940. Leningrad: Publ. AN SSSR. Ch. 2-3 (In Russ.).
14. Sobytie i sobytiinost'. Sbornik statei [Event and eventuality]. In Vladimir Markovich, Vol'f Shmid (eds.). 2010. Moscow: Publ. Kulaginoi — Intrada. 296 p. (In Russ.).
15. Uspenskii B.A. Vladimir Monomakh i apostol Pavel [Vladimir Monomakh and the Apostle Paul]. *Verenitsa liter: k 60-letiyu V.M. Zhivova = A String of Letters: to V.M. Zhivov's 60th anniversary*, 2006. Moscow: Yazyki slavyanskoï kul'tury, pp. 43-45 (In Russ.).
16. Filippovskii G.Yu. Vladimir Monomakh: zaveshchano potomkam [Vladimir Monomakh: bequeathed to posterity]. 1999. Yaroslavl': Publ. YaGPU. 285 p. (In Russ.).
17. Filippovskii G.Yu. «Pouchenie» Vladimira Monomakha: problemy literaturnoi poetiki [Vladimir Monomakh's “Teaching”: problems of literary poetics]. 2019. Yaroslavl': Publ. YaGPU. 119 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Филипповский Герман Юрьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского (ФГБОУ ВО ЯГПУ), г. Ярославль, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>, e-mail: fil.gerr@yandex.ru

Information about the authors

German Yu. Filippovsky, Doctor in Philology, Professor, Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>, e-mail: fil.gerr@yandex.ru

Получена 23.12.2023
Принята в печать 15.03.2024

Received 23.12.2023
Accepted 15.03.2024